

П. Фокин

О судьбе и научном наследии А. М. Гаркави

В отличие от естественных и точных наук филология, в первую очередь, является дисциплиной исторической. Наряду с универсальными смыслами, характеризующими содержание предмета филологических исследований, важную роль в его понимании играет конкретика деталей и обстоятельств. Слово как некая идеальная креативная энергия находит свой выход и претворение, лишь обретая плоть в речи человека, личность которого, судьба, биография, уровень образованности, мировоззрение, социальное положение, политические взгляды и экономические интересы, даже просто физическое состояние в момент высказывания определяют смысловой объем и форму выражения данного слова. Слова вне речи, вне текста не существуют, а речь, текст всегда индивидуальны и историчны. Поэтому такие разделы филологической науки, как история языка, сравнительное языкознание, история литературы, историческая поэтика, текстология являются базовыми и составляют основу для аналитической и теоретической работы филолога.

Участь филолога – работа в архивах и библиотеках.

Александр Миронович Гаркави был готов разделить ее. Племянник Ю.Н. Тынянова, ученик Б.М. Эйхенбаума и В.Е. Евгеньева-Максимова, соратник и соавтор К.И. Чуковского в работе по изданию произведений Н.А. Некрасова, Гаркави не мыслил филологического труда без обращения к первоисточникам – рукописям, оригиналам документов, изданиям с авторскими правками и читательскими маргиналиями. Со студенческой скамьи для него было аксиомой и железным правилом – любое умозаключение, любую интерпретацию или утверждение предварять тщательным, выверенным до мелочей текстологическим анализом.

Однако жизненные обстоятельства складывались так, что блистательный выпускник Ленинградского университета, чьи выдающиеся способности были отмечены приглашением к сотрудничеству в издании Полного собрания сочинений и писем Н.А. Некрасова (М.: Гослитиздат, 1950 – 1953. Т. VI, XII), молодой и энергичный кандидат наук, не мог найти место работы в родном городе и был вынужден искать вакансии в провинциальных вузах по

всему СССР (Фрунзе, Смоленск, Гродно). Наконец место нашлось – в недавно созданном Калининградском государственном педагогическом институте.

С 1951 по 1980 годы Гаркави будет жить и работать в Калининграде.

Вряд ли Александр Миронович мог предполагать, что в этот разбитый войной, чужой и пустой город он приехал на всю жизнь. Думать так было абсурдно. Как можно было оставаться профессиональным филологом в городе, в котором и приличных-то библиотек не было, не то что архивов, да еще имея в нагрузке чуть не все лекционные курсы по литературе. А он намеревался продолжать свою научную работу.

И – продолжил.

Из кратких, но чрезвычайно плодотворных командировок в архивы Москвы и Ленинграда Гаркави неизменно привозил новые материалы, связанные с творчеством Н.А. Некрасова, Н.Г. Чернышевского, И.С. Тургенева и других русских писателей.

Б.М. Эйхенбаум в сентябре 1957 года восхищенно писал своему бывшему ученику: «Получил <...> новый выпуск «Ученых записок» – спасибо! Очень интересны ваши работы о Некрасове – колоссальный материал! Надо же ухитриться, сидя в Калининграде, успеть собрать и обработать такую бездну фактов! Я знаю вашу работоспособность (и просто способность, что важнее), но и то удивился»¹.

В «Ученых записках» 1957 года напечатаны две статьи Гаркави: «Произведения Н.А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX века» и «К вопросу об источниках поэзии Некрасова». Первая из них, очевидно, и поразила маститого литературоведа. Она представляет собой всесторонний обзор такой сложной с точки зрения источниковедения темы, как публикация и распространение некрасовских произведений в нелегальной печати. Из 170 сносок, обеспечивающих научный аппарат статьи, 42 – на издания стихов Некрасова в вольной русской печати, 25 – на архивные документы и рукописные материалы. По своей информативности эта работа не уступает иной монографии. Она могла бы составить основу полноценной диссертации. К статье прибавлено Приложение «Произведения Н.А. Некрасова в подпольной и зарубежной русской печати XIX и начала XX века». В трех рубриках Приложения («Отдельные издания произведений Некрасова», «Публикации в сборниках и периодической печати», «Переделки стихотворений Некрасова в сборниках В.П. Сидорацкого») указано 44 издания, вышедших в Лондоне, Париже, Женеве, Берлине, Лейпциге, Праге и др. «Список составлен по материалам Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеки Академии наук СССР. Издания, перечисленные в нем, в большинстве случаев дошли до нас лишь в незначительном количестве экземпляров. Все они изучены *de visu*. Издания, которых не удалось разыскать, в список не включены»². Б.М. Эйхенбауму было чему

удивиться. Да и сегодня эта публикация производит на читателя неизгладимое впечатление масштабностью и полнотой исследования.

В том же 1957 году в «Ученых записках Ленинградского государственного университета. Русские революционные демократы. Вып. II» Гаркави публикует «Список цензурных дел о произведениях Некрасова». В нем указано 187 дел, из них 81 до этого ни разу не упоминалось в научной литературе. «Прочие цензурные дела о Некрасове, – как указывает в преамбуле составитель, – публиковались, либо цитировались, либо упоминались, либо содержание их излагалось в печати. Однако пользование этими публикациями нередко бывает затруднено, так как они рассеяны по различным изданиям, некоторые из них неточны, а многие не сопровождаются указанием на архивные источники»³. Среди архивов, содержащих цензурные дела о произведениях Некрасова, указаны архив Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР, Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ) и Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). И хотя публикатор в данном случае скромно умолчал о способе обследования архивных материалов, можно с полной уверенностью говорить, что большинство из них, если не все (а подробное описание приведенных в списке архивных дел позволяет предположить именно такой вариант) также были изучены им «de visu».

Сама публикация представляет собой образец профессионального подхода к предмету. Это настоящая архивная логия, дающая верные ориентиры любому, даже самому неискушенному, только начинающему работу исследователю этой темы. Цензурные дела расположены в списке в хронологическом порядке. Каждый документ сопровождается исчерпывающей научной справкой, в которой сообщается: 1) о каких произведениях Некрасова говорится в документе; 2) идет ли речь о предназначенных к опубликованию рукописях или о произведениях, уже опубликованных; 3) официальное назначение и датировка документа; 4) ссылка на архивный источник; 5) ссылка на публикацию, если документ опубликован. В конце списка помещен алфавитный указатель произведений Некрасова, о которых имеются цензурные дела. Можно только догадываться, сколько труда стоит за сухими строками «Списка...».

И удивляться.

Гаркави был подлинным асом архивных изысканий. Сотни (или даже тысячи?) дел изучил он за свою многолетнюю работу в рукописных фондах и библиотеках. Он был методичен и последователен. Тщательно анализируя многообразные свидетельства и источники, безошибочно шел по следу документа и добивался неизменного успеха. Порой судьба благоволила ему, и тогда его усилия вознаграждались сторицей. Так, в 1956 году Гаркави удалось разыскать ранее неизвестное сочинение Некрасова – «Сказку о добром царе, злом воеводе и бедном крестьянине». О той радости, которую испытал ученый, мы можем судить по небольшой проговорке, которую он позволил

себе в примечаниях к упоминавшейся выше статье «Произведения Н.А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX века». Обычно академически сдержанный, Гаркави пишет здесь так: «Текст сказки затерялся, и попытки разыскать его долго оставались безуспешными <...>. Лишь недавно мне *посчастливилось* обнаружить рукописный список сказки в ЦГАЛИ (Ф. 338, оп. 1, №42)» (курсив мой. – П.Ф.)⁴. Конечно же, обнаружить неизвестный текст классика – для профессионального филолога подлинное счастье. И хотя на счету Александра Мироновича к тому времени уже была публикация одного забытого произведения Некрасова, рассказа «Очерки литературной жизни», но то был «новонайденный» текст, напечатанный Некрасовым в 1845 году под псевдонимом «Иван Вихрев», который и удалось раскрыть исследователю⁵, а «Сказка...» предстала перед читателями впервые⁶. Должно быть, так же радовался великий Набоков, когда поймал неизвестную науке бабочку.

Но, конечно же, большая архивная находка – это редкая удача, праздник и награда за неустанный труд изыскателя. В большинстве же случаев работа текстолога связана с установлением аутентичного авторского текста – устранением разночтений, выявлением вариантов, исправлением цензурных искажений, восстановлением конъектур. Порой, чтобы принять правильное решение, нужно сверить целый ряд документов – черновой автограф, беловой список, журнальную публикацию, публикации в разных изданиях сочинений, в том числе и бесцензурных, свидетельства современников, высказывания и признания писателя в его письмах и дневниках. Иногда одно слово тянет за собой целую историю, по сложности интриги и драматизму не уступающую детективу.

Некрасовская текстология представляет особую сложность. Вместе с обычными трудностями, как, например, отсутствие чернового автографа, утрата рукописи и т.п., в случае с произведениями Некрасова принципиальную проблему составляет учет цензурных обстоятельств. Некрасов, будучи опытным журналистом, часто для того, чтобы опубликовать свой текст, прибегал к самоцензуре, еще на стадии белового списка устраняя наиболее острые выражения и слова или, напротив, внося смягчающие строки и формулировки. Впоследствии, по мере изменения цензурных обстоятельств, поэт вносил правку, приближая текст к первоначальному. В то же время бывали случаи, когда уже пропущенное в печать и опубликованное стихотворение при новом переиздании встречало препятствия со стороны литературных надсмотрщиков и его приходилось править, искажая подлинный замысел художника. Что-то и просто не доходило до печати и распространялось в списках, содержащих варианты, происхождение которых также требует тщательного расследования – имеют ли они отношение к творческим поискам Некрасова или являются результатом ошибки копииста, а то и прямого «соавторства» (так, некоторые радикально настроенные читатели усиливали на свой вкус и взгляд отдельные, недостаточно революционные, по их мнению, строки).

Много лет занимаясь вопросами некрасовской текстологии, А.М. Гаркави разработал свою методику совокупного анализа вариантов и систему аргументации окончательного решения, на основании которого текст произведения следует признать наиболее соответствующим авторскому замыслу. При целостности подхода и общности принципов, включавших, помимо учета цензурных обстоятельств, анализ идейного содержания текста, художественные достоинства вариантов и др., в каждом конкретном случае Гаркави исходил из всей полноты доступных ему фактов, мысленно переносясь в атмосферу тех дней, когда создавалось и печаталось произведение, как бы вживаясь в роль Некрасова – поэта, человека, общественного деятеля, издателя, предпринимателя, а также его оппонентов из цензурного ведомства.

Гаркави, несомненно, обладал даром художественного видения и, несмотря на то что всегда держался строго научного стиля, не допускал цветистости слога, был предельно точен в формулировках, он замечательно владел умением творчески понять ситуацию, реконструировать ход событий, психологию и мотивы поведения действующих лиц. В этом искусстве он порой превосходил даже своего старшего коллегу и профессионального писателя Корнея Чуковского. Несомненно, многому у него учился, но и сам мог преподавать урок. Авторитет старейшего некрасоведа страны, закрепленный Ленинской премией в области литературы за книгу «Мастерство Некрасова», не мог остановить Гаркави, когда он видел явные ошибки или недочеты метра. Деликатно, но твердо он вступал в полемику не только по частным, но и по принципиальным вопросам изучения и издания некрасовского наследия.

Высоко оценивая вклад Чуковского в становление и развитие некрасовской текстологии, Гаркави, например, считал неправомерным возведение в абсолют, как это делал Чуковский⁷, принципа предпочтения книжной публикации перед журнальной. Называя такой подход «прямолинейным», Гаркави приводил примеры, когда журнальная публикация оказывалась более свободной от цензурных искажений, чем последующая книжная⁸. К. Чуковский с признательностью относился ко всем замечаниям калининградского ученого. Он умел ценить талант. Так, в 1963 году он писал Александру Мироновичу: «Совесть моя спокойна <...> Спокойна, так как в Калининграде есть А.М. Гаркави, пошедший в некрасоведении дальше меня по той же дороге, по которой шел я. Я был бы полным идиотом, если бы не признавал Вас своим законным наследником. Вы исправили многие мои ошибки, зачеркнули многие мои утверждения, и за это я, как все читатели, благодарен Вам»⁹. Неоднократно привлекал К.И. Чуковский А.М. Гаркави к совместной работе по подготовке и комментированию сочинений Некрасова¹⁰.

В личной библиотеке Гаркави хранятся тома Полного собрания сочинений и писем Некрасова (под ред. В.Е. Евгеньева-Максимова, А.М. Еголина и К.И. Чуковского. М., 1948 – 1953), с которыми ученый работал при подготовке новых изданий Некрасова, в том числе и Академического полного собрания сочинений (Л.: Наука, 1981 – 1998). Они все испещрены многочислен-

ными поправками и уточнениями: отдельных строк, слов и даже букв. Большинство этих исправлений приняты научным миром. Есть, правда, и исключения. До сих пор остается неисправленным подцензурный текст стихотворения «Душно! без счастья и воли...», 7-й стих которого по-прежнему печатается как: «Чашу вселенского горя», вместо существующего черного варианта «Чашу народного горя», безусловно более точно отражающего мировоззрение и стилистику Некрасова. К тому же, как показал Гаркави на многочисленных конкретных примерах, приведенных в книге «Н.А. Некрасов в борьбе с царской цензурой», слова «народ», «народный», употребляемые в текстах критического характера по отношению к политике властей, тщательно вымарывались цензурой. Этот научный спор еще не завершен.

Текстологические изыскания Гаркави позволили ему не только ввести в научный оборот и читательское сознание десятки новых поэтических строк Некрасова, но и лучше понять характер художественной системы великого русского поэта, проникнуть в его творческую лабораторию, по-новому взглянуть на проблему творческой эволюции. Не случайно в последние годы своей жизни А.М. Гаркави все чаще обращался к изучению поэтики Некрасова, его художественного мастерства, особенностей поэтической речи. Панорамная картина эволюции лирического героя Некрасова, данная в книге «Лирика Н.А. Некрасова и проблемы реализма в лирической поэзии» (Калининград, 1979), до сих пор остается наиболее четкой и убедительной в науке о Некрасове. Совершенное знание фактического материала сочетается здесь с ясностью концепции, выверенной системностью и аналитической обстоятельностью.

Научное наследие Александра Мироновича Гаркави содержит колоссальный творческий потенциал, дает образец высочайшего профессионального мастерства, является практической школой для филолога любого уровня подготовки, таланта и опыта.

¹ Государственный архив Калининградской области. Ф. 859, оп. 1, д. 165.

² Ученые записки КГПИ. Калининград, 1957. Вып. 3. С. 245.

³ Ученые записки ЛГУ им. А.А. Жданова: Русские революционные демократы. Л., 1957. Вып. 2. С. 268.

⁴ Ученые записки КГПИ. Калининград, 1957. Вып. 3. С. 214.

⁵ Гаркави А.М. О новонайденном рассказе Н.А. Некрасова «Очерки литературной жизни» // Учен. записки ЛГУ. №122. Серия филол. наук. Вып. 16. Л., 1949. С. 125 – 136.

⁶ Впервые сказка была опубликована в газете «Калининградская правда» 11 марта 1956 года и в том же году напечатана в №6 журнала «Молодой колхозник».

⁷ Так, Чуковский писал: «Для меня даже не существует вопроса, какому же из двух вариантов – журнальному или книжному – мы должны отдавать предпочтение. Я давно уже убедился на опыте, что ко всем без исключения стихам, которые Некрасов печатал в журналах, цензура относилась с удвоенной строгостью» (Чуковский К.И. Люди и книги. М., 1960. С. 387).

⁸ *Гаркави А.М.* Н.А. Некрасов в борьбе с царской цензурой: Ученые записки КГПИ. Калининград, 1966. Вып. 13. С. 44 – 46.

⁹ Государственный архив Калининградской области. Ф. 859, оп. 1, д. 166.

¹⁰ *Некрасов Н.А.* Соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1965 – 1967; *Некрасов Н.А.* Соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1971 (Серия «Большая библиотека поэта»); *Некрасов Н.А.* Стихотворения: Поэмы. М.: Худож. лит., 1971 (Серия «Библиотека всемирной литературы»).